

Гу Чанъань слушал, как Линь Го сыплет матом, и чувствовал странную смесь удивления и жалости. Раньше он думал, что командир второй роты просто чересчур рьяный, но если он довёл этого обычно смиренного «колобка» до такого состояния, значит, перешёл все границы.

Он погладил Линь Го по волосам — они были почти сухими. «Кепка, однако, неплохо воду отталкивает», — мелькнуло у него в голове.

— Всё, всё, не кипятись, — успокаивал он. — Одежду я тебе высушу. А ты успокойся, залезь под одеяло, согрейся. Гляди, руки просто ледяные.

Он встал, достал из кармана штанов коробку с таблетками и протянул её Лу Мэнбаю, который как раз пил тёплую воду, пытаясь согреться.

— Вот, против простудное. Не знаю, поможет ли, но на всякий случай примите по одной.

Гу Чанъань сушил одежду тщательно и неторопливо, пока ткань не стала почти совершенно сухой. Вернувшись, он застал Линь Го уже в кровати, закутанного в одеяло с головой, словно цзунцзы. Лу Мэнбай сказал:

— Вернулся. Не буди его, оставь одежду и иди отдыхай.

Гу Чанъань кивнул, кое-как сложил вещи и положил их на стол Линь Го.

— Ты говоришь, что он как ребёнок, — усмехнулся Лу Чэнь, — а сам нянчишься с ним, будто с сыном. Неудивительно, что он не взрослеет.

— Моего ребёнка вы все испортили, — с улыбкой парировал Гу Чанъань. — Раньше был милым, как рисовый колобок, а теперь вот матом ругаться научился.

— Эй, мы-то тут при чём? — засмеялся Лу Чэнь. — У твоего «малыша» и без нас язык подвешен отлично. По-моему, у него просто бунтарский возраст начался, мамаша Гу.

— ...Ладно, я пошёл.

— Иди, иди.

Вернувшись в комнату, Гу Чанъань вкратце рассказал товарищам о ситуации наверху, разделся и лёг. Лёжа в темноте, он размышлял: бунтарский возраст?

Конечно, он и раньше замечал, что Линь Го не такой уж безобидный, каким кажется. Но это воспринималось как милая шалость — будто котёнок вдруг взъерошился и показал крохотные коготки, угрожая тебе всей своей трогательной несерьёзностью.

Но теперь получалось, что Лу Чэнь и Лу Мэнбай, знакомые с Линь Го всего ничего, видят в нём больше, чем он, Гу Чанъань.

То ли Линь Го не хочет показывать ему, Гу Чанъаню, эту свою колючую сторону? То ли он показывал, но Гу Чанъань не замечал, пропускал мимо?

Если он скрывает от него свои шипы... Это потому, что не хочет, чтобы Гу Чанъань знал об их существовании? Или потому, что... не доверяет?

На следующее утро Линь Го едва поднялся. Лу Мэнбаю пришлось буквально стащить его с кровати.

Он чувствовал полнейший упадок сил, а голова раскалывалась от боли. Одеваясь, он мысленно продолжал тираду в адрес командира второй роты. Всё из-за того, что заснул вчера на взводе. Надо было сначала весь гнев выпустить, а потом спать. Говорят, если засыпать злым, можно и с ума сойти. Правда это или нет — неизвестно.

Он нащупал в ящике несколько ирисок и сунул в карман. Пока что только голова кружится, но если во время утренней пробежки он ещё и в голодный обморок грохнется — позору не оберёшься.

После построения начался бег. Сделав первые несколько шагов, Линь Го почувствовал, как лёгкое головокружение перерастает в давящую головную боль. Он поспешно развернул ириску и засунул её в рот, мысленно благодаря утреннюю предусмотрительность.

После пробежки он побрёл за Лу Чэнем в столовую, еле переставляя ноги. Он не специально тащился позади троих, как телохранитель, — ему было просто очень плохо.

Он потер виски. Больше никогда. Никогда больше не ложиться спать злым. Даже если не сойдёшь с ума, мучиться — выше сил.

Лу Чэнь, видя его страдальческий вид, предложил:

— Линь Го, садись, я тебе что-нибудь куплю.

— Не надо, не надо, сам схожу, — слабо отмахнулся Линь Го.

— Да брось, я всё равно иду. Что хочешь?

Сейчас у Линь Го так кружилась и болела голова, что он сомневался: сможет ли он вообще что-то съесть? Скорее всего, на тренировке всё вернётся обратно. Фу, какая гадость.

— Чэнь-сан, купи мне стакан соевого молока, ладно?

— А? И всё? Один стакан жидкости? Так ты же с голодухи потом рухнешь! — нахмурился Лу Чэнь.

— Только не сглазь... Молока и хватит. Сейчас в рот ничего не лезет.

Линь Го опустил голову на сложенные на столе руки.

— Ну ладно. Если потом проголодаешься — скажешь, ещё сбегаю.

Линь Го благодарно кивнул.

Позавтракав (если это можно было назвать завтраком), он, опасаясь всё-таки грохнуться в голодный обморок, подошёл к ларьку с напитками, купил пачку фруктовых леденцов и, сунув её в карман, поплёлся на плац.

Командир второй роты сегодня выглядел неважно — видимо, вчерашний провал с дождём не прошёл даром, и ему влетело от начальства. От этой мысли Линь Го на душе стало чуть светлее. Но насладиться злорадством он не успел — его снова поглотило раздражение, вызванное командиром, явно намеренным содрать с них сегодня три шкуры.

С самого начала тренировки он заставлял их стоять в строю по десять минут после каждых двадцати минут упражнений. При этом он орал, чтобы они не завидовали другим ротам,

которые в это время отдыхали. Мол, в армии стояние в строю и есть лучший отдых.

Линь Го, стоя по стойке «смирно» и подсчитывая по количеству перерывов у других, сколько сейчас времени, пришёл к выводу, что уже около десяти утра.

Теперь он горько сожалел, что ограничился утром стаканом соевого молока. Он был не просто голоден. Солнце палило нещадно, доводя до белого каления. А главное — голова кружилась всё сильнее и сильнее.

Будь они в процессе отработки элементов, он мог бы украдкой, пока командир не видит, сунуть в рот леденец и немного прийти в себя. Но сейчас они стояли в строю. Одно неверное движение — и, учитывая скверный характер командира, они простоят так ещё полчаса.

Рядом, на соседнем участке плаца, Гу Чанъань и его товарищи жили, казалось, в раю.

Их инструктор чередовал короткие периоды тренировки с перерывами, а иногда заставлял пробежать круг-другой по дорожке.

Да, солнце палило, и после пробежки все были мокрыми от пота. Но зато во время бега налетал ветерок, и было свежо.

Гу Чанъань с самого утра не сводил глаз со второй роты. Уже прошла половина утра, а те удостоились лишь одного короткого перерыва — попить воды.

Принял ли Линь Го вчера вечером таблетку? Наверное, с ним всё в порядке?

Вдруг в строю второй роты возникло движение, послышались взволнованные голоса. Видимо, кто-то потерял сознание.

Их инструктор как раз недавно хвастался, что, мол, у девочек из-за жары каждый день по несколько обмороков, а вот парни — народ крепкий.

Что ж, не такой уж и крепкий.

Сердце Гу Чанъаня ёкнуло. Только не Линь Го. Стоп. Тот, кто его поддерживает... Это Лу Мэнбай?

Что касается Линь Го, то его последней осознанной мыслью перед погружением во тьму было: «Какой позор. Я и вправду рухнул от голода».

Гу Чанъань, не раздумывая, хлопнул Ху Юя по плечу.

— Вызови мне отгул! — И бросился через плац ко второй роте.

Расталкивая других студентов, он пробился к центру суеты. Это был Линь Го. Си Линь и Лу Чэнь поддерживали его под руки.

— Я понесу, — коротко бросил Гу Чанъань.

Он ловко взвалил Линь Го себе на спину. Командир второй роты, заметив это, заорал:

— Эй, ты! Из какой роты?! Как ты смеешь нарушать дисциплину?!

Гу Чанъань, в котором кипели и тревога, и ярость, рявкнул в ответ через плечо:

— Заткнись! — Он бросил на командира ледяной взгляд. — Я отвожу его в медпункт.

Командир опешил на секунду, глядя всему удаляющейся спине Гу Чанъаня с его ношей. Он уже собрался было настигнуть его и устроить разнос, но Лу Мэнбай быстро вступился:

— Инструктор! Это его брат! Парень без сознания, брат, естественно, вне себя от волнения! К тому же, если это не просто тепловой удар, а что-то серьёзное, каждая минута на счету!

Командир на мгновение задумался, и доводы Лу Мэнбая показались ему резонными. Он фыркнул, прочистил горло и снова обрушился на свой отряд:

— В строй! На что уставились?! Вы в строю стоите! Никакого порядка!..

В школьном медпункте было полно народу. Кого-то привели под руки, кто-то добрался сам. И парни, и девушки. Среди них были и те, кому было действительно плохо, и те, кто просто надеялся выпросить у врача справку, чтобы отлынивать от муштры ещё несколько дней.

В обычное время, даже просто идя по улице или ехав в метро, Гу Чанъань любил придумывать истории о незнакомцах — чтобы скоротать время. Он даже рассказывал их Линь Го, и тот, хотя и смеялся, ворчал, что это скучно.

Но сейчас Гу Чанъань не был настроен на выдумки. Ему было не до того.

Он осторожно уложил Линь Го на койку в комнате отдыха.

Школьный врач, женщина средних лет, потрогала лоб Линь Го, приподняла веко и посмотрела ему в глаза.

— Простуда?

— Возможно. Вчера под дождь попал.

— Под дождь? Ну, тогда понятно. Простуда, температура, плюс на жаре лёгкий тепловой удар. Ничего страшного, отлежится — пройдёт.

Гу Чанъань кивнул.

— Спасибо вам.

Они несколько секунд молча смотрели друг на друга. Врач снова заговорила:

— С ним всё будет в порядке. Можешь идти.

— Я... Я подожду, пока он не очнётся.

<http://bllate.org/book/16270/1464151>